

УДК 347.632**Права детей, рожденных во внебрачном сожительстве****Ермаков Артём Денисович**

Магистр частного права,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: ermakov.ms@outlook.com

Аннотация

Статья посвящена анализу правового статуса детей, рожденных в незарегистрированных брачных отношениях (сожительстве), и проблемам, связанным с защитой прав таких детей в российском семейном законодательстве. Рассматриваются социокультурные и правовые аспекты распространения фактических браков, включая статистические данные о росте числа детей, рожденных вне официального брака, и сложности, возникающие при установлении отцовства. Особое внимание уделяется пробелам в правоприменении и отсутствию единообразных подходов в судебной практике. В статье проводится исторический обзор эволюции правового статуса внебрачных детей в России, а также анализируется зарубежный опыт регулирования подобных отношений (Франция, Швеция, Австралия, США). На основе сравнительного анализа предлагаются меры по совершенствованию законодательства, включая введение презумпции отцовства для фактических супругов и нотариально удостоверенного соглашения о сожительстве, направленные на обеспечение прав детей и устранение дискриминации на основе статуса родителей.

Для цитирования в научных исследованиях

Ермаков А. Д. Права детей, рожденных во внебрачном сожительстве // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 4А. С. 223-238.

Ключевые слова

Права детей, соительство, установление отцовства, семейное законодательство, алименты, гражданский брак, презумпция отцовства, молекулярно-генетическая экспертиза.

Введение

Либерализация семейных отношений, возникновение новых способов оформления долгосрочного партнерства помимо официально признанного государством брака, как и снижение популярности самой концепции супружества – это тенденция, свойственная современным развитым обществам [Кочеткова, 2022, [www](#)]. Глобальный процесс, начавшийся еще в середине 1990-ых годов и известный как «*partnership transition*», т.е. переход от отношений, построенных на традиционных гендерных ролях, к эгалитарным отношениям между двумя юридическими равными партнерами [Di Giulio, Impicciatore, Sironi, 2019, 1211-1212], затрагивает и Россию: как следует из ежегодного статистического бюллетеня Федеральной службы государственной статистики «Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за 2024 год», около 23% (более 300 тыс.) от общего числа родившихся детей родились вне зарегистрированного брака [Росстат, 2024, [www](#)]. Если принимать во внимание теорию второго демографического перехода, то закономерен универсальный сдвиг в семейных ценностях, осложненный нестабильной обстановкой в международной политике и весьма сложными экономическими обстоятельствами жизни, что является главным стимулом современного человека для выбора незарегистрированных отношений со своим партнером [Кочеткова, там же]. Стремительное распространение такого явления, как размежевание брака и деторождения, отмечается в западном обществе еще с начала 2000-ых годов [Raley K. R., Wildsmith E., 2004, 210].

Помимо социокультурных аспектов, включающих в себя возможную стигматизацию детей, родители которых не состоят в официальном браке, распространение незарегистрированных отношений приводит к проблемам в области правоприменения. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2024 год было рассмотрено всего лишь 9 082 дела об установлении отцовства, на 5,6% больше, чем годом ранее (8 603 дела) [Агентство правовой информации, 2024, [www](#)], но родилось детей в незарегистрированных союзах около 22,8% от общего числа родившихся (297 011 младенцев) – проявляется диспропорция. В существенной части дел основную сложность составляет высокая стоимость молекулярно-генетической экспертизы, а также отличающиеся подходы к относимости и допустимости различных доказательств судами в таких делах в разных регионах.

Несмотря на то, что в российском семейном законодательстве (ст. 53 СК РФ) устанавливается, и в правоприменительной практике последовательно поддерживается принцип равенства детей вне зависимости от того, состоят ли родители в браке между собой, в действительности отсутствие правового статуса фактических брачных отношений и строгое условие для признания брака в виде его регистрации в органах ЗАГС (п. 2 ст. 1, ст. 10 СК РФ) создает значительные пробелы в защите прав детей, рожденных вне брака. Из-за необходимости в установлении отцовства, когда партнеры проживают или проживали в незарегистрированном союзе, ребенок может столкнуться с проблемами при наследовании, получении алиментов и социальных выплат – и все это в том случае, если происхождение такого ребенка было надлежащим образом установлено и зафиксировано, что всегда осложняется неформальным и нестабильным характером отношений родителей.

Такое *де-факто* умаление прав детей противоречит принципам обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии (абз. 2 п. 1, п. 3 ст. 1 СК РФ), не соответствует положению п. 2 ст. 2 Конвенции о правах ребенка 1989 года, которое исходит из

запрета всех форм дискриминации ребенка на основе статуса его родителей. Основным приоритетом для законодателя должен стать поиск баланса между государственной политикой, направленной на укрепление традиционных семейных ценностей (под ними подразумевается и зарегистрированный брак между мужчиной и женщиной) – с одной стороны, и устранение правовой неопределенности и угрозы нарушения прав детей, рожденных вне брака, через регулирование фактических брачных отношений – с другой. В Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года перечисленные брачно-семейные отношения обозначены в качестве охраняемых государством традиционных семейных ценностей и дополнены целью рождения и (или) совместного воспитания детей.

Теоретические основы правового статуса детей, рожденных в фактическом браке

Несмотря на возрастающее распространение явления, в российском законодательстве отсутствуют соответствующие термины «фактический брак» и «сожитительство», и такие отношения не порождают правовых последствий для партнеров [Конституционный Суд РФ, 2012]. Согласно п. 2 ст. 1 СК РФ признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния, а права и обязанности супругов, в соответствии с п. 2 ст. 10 СК РФ, возникают со дня государственной регистрации заключения брака. Установление формального статуса фактического брака имело место в виде исключения только для лиц, вступивших в фактические брачные отношения до 8 июля 1944 года (пп. 10 п. 2 ст. 264 ГПК РФ; п. 19 Указа Президиума ВС СССР от 08.07.1944). В современном российском законодательстве юридическое регулирование сожитительства или фактических браков отсутствует, но юридический статус детей, рожденных в таких браках, в России претерпел процесс длительной эволюции.

В дореволюционный период права детей, рожденных вне брака, в России оказывались ограниченными и заключались только в правах на алименты, подобно германской системе: отцам предписывалось содержать таких детей в соответствии со своими средствами, что фактически означало полное содержание ребенка, ведь их матери почти всегда принадлежали к малоимущим или вовсе неимущим категориям населения. Внебрачные дети полностью исключались из процесса наследования (за исключением благоприобретенного имущества матери), и даже фамилию они могли получить только материнскую и только с согласия родителей. Эти и другие особенности правового статуса внебрачных детей (распределение по различным ведомствам в зависимости от сословной принадлежности матери, автоматическое зачисление в низшие армейские ранги для отбывания рекрутской повинности) позволяли говорить об их полном бесправии, которое лишь ухудшалось одинаково негативным отношением к таким детям как со стороны общества, так и Церкви – последняя руководствовалась не стремлением защитить жизнь внебрачных детей, а заботой о женском целомудрии [Ошанин, 1912; Бахтин, 1915, с. 56-59].

Положение начало осторожно изменяться только в конце XIX века с принятием закона от 12 марта 1901 года и 3 июня 1902 года [Иванова, Чэнь, 2013, с. 154-156]. Последний ввел в отечественную юридическую практику понятие «внебрачный» ребенок взамен подвергаемого осуждению термина «незаконнорожденный». Вышеупомянутая обязанность отца содержать такого ребенка вместе с его матерью также была отменена этим законом, стало возможным установление отцовства и материнства в порядке гражданского судопроизводства – такие дела

передавались в ведение окружных судов [Азарова, 1974, с. 28-29].

Тем не менее, положение детей, рожденных вне брака, в тот период оставалось бедственным: они имели мало шансов выжить (убийства матерями своих незаконнорожденных детей из-за обвинений в неверности были весьма распространенным явлением) [Щербинин, 2003, с. 47-51], а если им и удавалось вынести все испытания в юном возрасте, то они быстро пополняли ряды маргинализированных слоев населения, формируя массу обозленных на государство и общество изгоев, а в худшем случае – потенциальных преступников и террористов. Ситуация оставалась прежней вплоть до прихода к власти большевиков в 1917 году.

В новой системе ценностей семья как главный элемент в системе воспитания детей отныне перестала играть ключевую роль, уступив это место социалистическому государству. В связи с этим, новая власть не восприняла прежние ограничения правового статуса внебрачных детей и связанные с этим соображения необходимости сохранения устойчивости семьи [Гуляева, 2018, с. 15-19]. Согласно новому Кодексу законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве РСФСР 1918 года основанием для установления семьи ребенка становилось происхождение этого ребенка от конкретного отца и матери, независимо от того, состояли ли эти лица в браке или нет. Право на установление отцовства или материнства в судебном порядке в случае отсутствия записей о родителях или при их неполноте сохранялось. Согласно статье 133 Кодекса законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве РСФСР 1918 года: *«Основой семьи признается действительное происхождение. Никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается»*. И далее в примечании 1: *«Дети, родители которых не состоят в браке между собой, во всем уравниваются в правах с детьми, родившимися от лиц, состоящих в зарегистрированном браке между собой»*. Действие данной статьи имело обратную силу и распространялось на внебрачных детей, рожденных до опубликования декрета о принятии Кодекса (20 декабря 1917 года).

Процедура установления отцовства была упрощена с принятием в 1926 году нового Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР. Установленный в нем порядок стал основой для всех последующих норм об установлении отцовства в отечественном законодательстве вплоть до наших дней: согласно ст. 30 Кодекса мать ребенка в период беременности или после рождения ребенка в целях защиты его интересов могла обратиться в орган записи актов гражданского состояния с заявлением об установлении отца ребенка. Орган записи актов гражданского состояния уведомлял лицо, указанное отцом ребенка, о поступившем заявлении и, если в течение месяца от указанного лица не поступало возражений, он признавался отцом ребенка с соответствующими обязанностями по участию в расходах *«связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери ребенка в течение ее беременности и шестимесячного срока после родов»*.

С принятием Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года для установления происхождения ребенка от родителей, не состоящих друг с другом в браке, стало возможным подать совместное заявление – в соответствии со ст. 47 Кодекса обратиться в органы записи актов гражданского состояния могли отец и мать ребенка, а в случае отсутствия совместного заявления отцовство могло быть установлено в судебном порядке по заявлению одного из родителей или опекуна (попечителя) ребенка, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия (Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1979 года впоследствии расширили круг потенциальных заявителей, указав на возможность для законодательств

союзных республик предусматривать право обращаться в суд с заявлением об установлении отцовства и других лиц).

В конце концов, идентичные принципы формирования норм об установлении отцовства в административном и судебном порядках применялись и в современном российском законодательстве с принятием в 1995 году Семейного кодекса Российской Федерации (ст. 48-53 СК РФ).

Изучая исторический процесс изменения правового статуса детей, рожденных вне брака, в России с конца XIX века и до настоящего времени, возможно отследить последовательный процесс смягчения законодательных ограничений, применяемых к внебрачным детям, что проявлялось сначала в предоставлении возможности установления отцовства и материнства для таких детей в судебном порядке и облегчении их материального положения, а затем, уже в советский период с принятием первых декретов о политике в области семьи и брака была во многом ликвидирована прежняя дискриминация внебрачных детей, их статус перестал зависеть от того, состояли ли их родители в браке между собой. Тем не менее, несмотря на достижения предшествующего законодательства в укреплении принципа равенства прав детей независимо от статуса родителей, современное российское законодательство «унаследовало» практические барьеры на пути реализации этого принципа, которые продолжают проявляться до сих пор, спустя 30 лет после принятия Семейного кодекса РФ.

Возможный подход к искоренению практических барьеров при защите прав детей, рожденных в фактическом браке, предлагается выработать через комбинированный анализ российской судебной практики и положений ведущих иностранных правопорядков, сталкивающихся с идентичными задачами. В результате станет возможным внести несколько предложений по совершенствованию норм семейного права, что поможет сбалансировать защиту прав детей с основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных нравственных ценностей.

Анализ российского законодательства и судебной практики

Основным способом юридической фиксации происхождения ребенка является документальное подтверждение как факта самого рождения, так и происхождения ребенка от определенных родителей. В отношении лиц, состоящих в браке между собой, действует одна из основных семейно-правовых презумпций: отцом ребенка является супруг матери, тем самым установление происхождения ребенка обусловлено наличием регистрации записи о браке (п. 2 ст. 48 СК РФ). В том же случае, если мать и отец не состоят в браке между собой, то эта важная презумпция неприменима, и установление происхождения ребенка попадает в зависимость либо от воли родителей и наличия их совместного заявления (п. 3 ст. 48 СК РФ), либо от результатов судебного разбирательства (ст. 49 СК РФ). Тем самым, порядок установления происхождения осложняется, и ребенок таких родителей не обеспечен одной из самых сильных презумпций в семейном праве даже в том случае, если родители долгое время пребывали в сожительстве, что лишает ребенка защиты как «слабой стороны», ведь именно установление происхождения ребенка создает объективные предпосылки для гарантированного законом соблюдения прав ребенка и исполнения обязанностей родителями по его воспитанию [Верховский районный суд, 2021].

Несмотря на подробную регламентацию в законе, судебная процедура установления отцовства внебрачных детей до сих пор остается сопряженной со значительными трудностями.

Прежде всего, в современном семейном законодательстве не определен исчерпывающий перечень доказательств, принимаемых судом во внимание в делах об установлении отцовства, хотя в КоБС 1969 года содержал такие обстоятельства, которые приводили к возникновению презумпции отцовства: совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка или доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства. На основании этих обстоятельств должно устанавливаться отцовство в отношении детей. Родившихся в период с 1 октября 1968 года по 1 марта 1996 года, как указано в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.11.1996 года № 9 (утратило силу). И хотя в наше время суд примет факт длительного сожительства матери и предполагаемого отца во внимание (что приведет, возможно, к перераспределению бремени доказывания), законом установленная презумпция и соответствующие правовые последствия к таким отношениям применяться все же не будут, что ослабляет защиту интересов ребенка. Как отмечает М. В. Антокольская, *«на них (фактические брачные отношения) следовало бы распространить правила о презумпции отцовства фактического супруга, аналогичные тем, которые применяются в отношении лиц, состоящих в зарегистрированном браке»* [Антокольская, 2013, с. 179], при этом законодатель в своем стремлении не поощрять такие союзы не должен забывать об интересах детей, рожденных в фактическом браке, поскольку они не могут нести ответственность за решение своих родителей не придавать своему союзу официального статуса.

Перечень доказательств, которые могут быть приняты судом во внимание в делах об установлении отцовства, не ограничен. Суды принимают письма, дневники, фотографии, официальные документы, подтверждающие происхождение ребенка, аудио- и видеозаписи (п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»). Свидетельские показания также могут быть приняты во внимание, хотя на практике весьма распространено явление, при котором возникает две группы свидетелей, вызванных спорящими сторонами процесса и, тем самым, интерпретирующих факты в пользу той или иной стороны, потому суды часто относятся к этой категории доказательств с недоверием [Логинова, 2009]. Имеют значение и объяснения самого ответчика, однако степень однозначности указаний потенциального отца на ребенка как на своего может отличаться в различных судебных решениях: иногда достаточно простого устного признания ребенка своим, что может подтверждаться свидетельскими показаниями [Устиновский районный суд, 2025], в других же случаях – суд может подойти к этому вопросу категорично и требовать, чтобы заявление ответчика о признании было однозначным, подтвержденным документально, без каких-либо условий и оговорок, то есть совместного проживания с матерью ребенка, участия в его воспитании и содержании, а также иных косвенных факторов, подтверждающих биологическое родство, уже недостаточно, чтобы убедить суд в факте признания отцовства [Георгиевский городской суд, 2023]. Такая неустойчивость периодически не позволяет определить стандарт доказывания в делах об установлении отцовства.

Отдельной категорией доказательств служит проведение молекулярно-генетической экспертизы (методом генетической дактилоскопии), и, хотя заключение эксперта по вопросу происхождения ребенка, как и любое иное доказательство, не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами (п. 2 ст. 67 ГПК РФ, абз. 2 п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 16), положительный результат генетической экспертизы почти всегда означает гарантированное

удовлетворение иска, если только суд не придет к выводу о том, что удовлетворение иска может противоречить интересам ребенка или его матери. Проведение генетической экспертизы по-прежнему остается весьма дорогостоящей и длительной процедурой, к которой, как правило, прибегают только в том случае, если все остальные способы доказывания происхождения ребенка исчерпали себя или недоступны. Вместе с тем, исполнение судом правила о признании факта, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым, в случае уклонения стороны от участия в экспертизе или непредставления экспертам необходимых материалов и документов для исследования, может привести к признанию отцовства и возникновению родительских прав у лица, которое не желало признавать свое отцовство добровольно (п. 21 Постановления Пленума ВС РФ № 16), что не всегда целесообразно: по замечанию М. В. Антокольской, в современном мире родительские отношения основаны на связи не только и не столько биологической, сколько социальной. Если первый вид связи в той или иной степени легко установить, особенно при обращении к современным научным достижениям в области молекулярно-генетических технологий, и сделать это независимо от наличия воли отца, то в случае с социальной связью это уже невозможно: *«Ожидать от лица, активно препятствовавшего установлению отцовства, осуществления родительских прав по меньшей мере наивно. В лучшем случае он будет бездействовать, в худшем — использует свои права для того, чтобы отомстить матери ребенка, предъявившей иск об установлении отцовства»* [Антокольская, 2013, с. 119].

Среди других проблем в своем взгляде на место генетической экспертизы применительно к действию «отцовских презумпций» В. А. Болдырев и К. Г. Сварчевский называют попытки поставить проведение генетической экспертизы (получающей все большее распространение как «гарантированный» технический инструментарий для определения происхождения ребенка) в делах об установлении отцовства в безусловный приоритет перед устоявшимся порядком, основанном на сочетании косвенных доказательств и добровольном волеизъявлении презюмируемого отца, что понимается авторами как акт государственного вмешательства в дела семьи через исключение из отцовства любой неочевидности, в чем не всегда заинтересованы мать и предполагаемый отец [Болдырев, Сварчевский, 2024, с. 30-54]. По мнению Е. Г. Комиссаровой, подобное подчинение судебного процесса «простым и удобным» решениям *«нарушает классический алгоритм установления родительского происхождения «от материнской очевидности к отцовской известности за счет презумпций, заменяющих очевидность»* [Комиссарова, 2025, с. 21-30].

Реализация прав детей из незарегистрированных союзов в области наследования также может столкнуться с препятствиями. Российское законодательство категорически не допускает каких-либо различий в правах на наследство между детьми, рожденными в браке, и «внебрачными» детьми — если отцовство установлено, то в обоих случаях они являются наследниками первой очереди независимо от статуса родителей (ст. 53 СК РФ, ст. 1142 ГК РФ). В то же время, этого нельзя сказать о сожителях наследодателя. Если сожителю по правилам ст. 1148 ГК РФ не удастся доказать, что он нетрудоспособен и не менее года до смерти наследодателя находился на его иждивении (и если удастся, то он будет отнесен к наследникам восьмой очереди), то претендовать на наследование по закону он не сможет, даже если является родителем ребенка, рожденного в период сожительства. На практике весьма распространенный случай можно назвать хрестоматийным: истец, которым выступает отец или мать ребенка, переживший своего сожителя, подает иск в защиту наследственных прав малолетнего ребенка об исключении недвижимого имущества из состава наследственной массы. Требования такого

пережившего сожителя, как правило, основаны на факте совместного проживания со вторым родителем ребенка, «как семья, считая себя мужем и женой», на ведении общего хозяйства. Однозначный отказ суда в удовлетворении исковых требований гарантирован даже в том случае, если жилищные условия малолетнего ребенка существенно ухудшатся, и сам ребенок, вероятно, будет проживать отдельно от родного отца или матери. Позицию судов о том, что *«фактическое начало и прекращение брачных отношений не отнесено законодателем к числу оснований для наличия и прекращения брака, а совместное проживание не является основанием для признания имущества общим»* невозможно оспорить, и пережившему сожителю приходится добиваться защиты прав ребенка иными способами [Второй кассационный суд общей юрисдикции, 2024].

Схожая ситуация может проявляться и в отношении случаев назначения пенсии по потере кормильца лицам, состоявшим в браке с умершим кормильцем и занятым уходом за детьми умершего кормильца, не достигшим 14 лет. Сожители, не состоявшие с умершим кормильцем в официально зарегистрированном браке, не перечислены в п. 1 ст. 10 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» как имеющие право на страховую пенсию по случаю потери кормильца. По этой причине такие сожители лишаются одного из источников обеспечения общих с умершим кормильцем детей [Конституционный Суд РФ, 2013].

Зарубежный опыт защиты прав детей, рожденных в незарегистрированных союзах

Из всех континентальных правовых порядков наибольшее разнообразие подробно регламентированных правовых конструкций, регулирующих формы внебрачного сожительства, установлено во Франции. Первой ступенью в системе регулирования личных отношений является простое сожительство (*concubinage*). Согласно ст. 515.8 Французского Гражданского кодекса (далее – «*Code civil*») сожительство не порождает правовых последствий для лиц, и личная свобода каждого сожителя стоит выше внешних обязательств. Сожители могут получить так называемую «конвенцию сожительства» («*La convention de concubinage*»), однако она не касается прав в отношении совместных детей – отцу все еще нужно признавать своего ребенка по общим правилам.

Поскольку Республика проводит последовательную и широко признаваемую населением семейную политику в течение последних 75 лет, стремление заполнить юридическую пустоту в статусе фактических супругов привело к принятию в 1999 году закона об учреждении системы гражданского договора солидарности (*Pacte civil de solidarité, PACS*) с последующей её реформой в 2006-2007 годах – это следующая ступень в системе личных отношений после *concubinage*. Эта система, предусмотренная ст. 515.1-515.7.1 *Code civil*, предоставляет неженатым парам минимальный объем юридической безопасности, больший по отношению к простому сожительству, которое не порождает правовых последствий, но меньший в сравнении с полноценным браком [*Code civil, www*]. PACS представляет собой обычный контракт, заключаемый между двумя физическими лицами для организации их совместной жизни. Несмотря на то, что такое гражданское партнерство не влияет на отношения с детьми, для лиц, состоящих в PACS, предусмотрен порядок признания ребенка – в таком случае оба гражданских партнера смогут приобрести родительский статус.

Несмотря на то, что PACS может быть заключен между лицами вне зависимости от их пола, согласно статистическим данным по состоянию на 2023 год более 95% всех гражданских

партнерств во Франции было заключено между лицами разного пола [Национальный институт статистики и экономических исследований Франции, [www](#)]. Эта система прочно укоренилась в национальной правовой системе регулирования личных союзов как способ для партнеров вступить в менее обременительную версию гражданского союза, чем официально зарегистрированный брак. При этом показатель рождаемости во Франции остается самым высоким в Европе [Волан, Пизон, Эран, 2020, 118-126].

В сфере наследственных прав внебрачных детей французское законодательство также претерпело постепенные изменения. Согласно прежней редакции ст. 760 Code civil при наследовании по закону дети, рожденные вне официально зарегистрированного брака, могли наследовать только половину от той доли, которая полагалась бы им как «законнорожденным» детям. Уравнивание в правах внебрачных детей с детьми из официальных браков произошло только в 2001 году с принятием Закона от 3 декабря 2001 года № 2001-1135.

Другой европейской юрисдикцией, в которой действует регулирование отношений между сожителями и их совместными детьми, является Швеция. Это королевство стало первым современным государством, законодательно признавшим отношения сожительства. Закон о сожительстве № 376 (Sambolag), принятый в 2003 году, регулирует имущественные отношения между лицами, проживающими совместно и ведущими общее хозяйство [Act (2003:376) regarding cohabitation, [www](#)]. Хотя закон, по преимуществу, направлен на случаи раздела общего имущества в случае прекращения сожительства, он также предусматривает положения в отношении детей: сожители могут оформить совместную опеку над их общим ребенком через налоговое управление Швеции (Skatteverket) или комитет социального обеспечения муниципалитета. Не исключены случаи, когда такое уведомление подается еще до признания отцовства или материнства одним из сожителей.

Из всех стран Британского Содружества наций наибольшей степенью регулирования отношений сожителей с их общими детьми обладает Австралия. Согласно разделу 60ЕА Закона о семейном праве 1975 года сожители могут добровольно зарегистрировать свой статус «фактического партнера» (*de facto partner*), а раздел 60НА определяет положение детей таких фактических партнеров как (а) ребенка одного из фактических партнеров или (b) усыновленного фактическими партнерами или одним из них с согласия другого [Family Law Act 1975, [www](#)]. Закон позволяет таким партнерам подать в Федеральный окружной и семейный суд Австралии, Верховный суд Северной территории или семейный суд штата прошение на начало разбирательства по делу об усыновлении ребенка, и в случае удовлетворения требования ребенок утрачивает статус рожденного в отношениях сожительства и приобретает весь объем прав «законнорожденного», как следует из положений пункта 3а раздела 60НА.

США относятся к странам, в которых тенденция распространения фактических брачных отношений распространяется наиболее стремительно. Законодательство штатов не закрепляет никаких различий в правовом статусе между детьми из зарегистрированного брака и детьми из фактических брачных отношений. Хотя официально оформленный брак в большинстве штатов остается единственным основанием для возникновения полного объема прав и обязанностей у родителей по отношению к детям, в некоторых штатах, воспринявших положения Единообразного закона «Об отцовстве и материнстве» [Uniform Parentage Act, [www](#)], фактические брачные отношения порождают важные юридические последствия.

В частности, из содержания ст. 202 Единообразного закона следуют важные положения, отсутствующие в российском законодательстве: на мужчину, который в течение первых двух лет после рождения ребенка проживал совместно с ребенком и его матерью и демонстрировал

поведение, недвусмысленно указывающее на признание себя как родного отца (открытые заявления о признании отцовства, участие в воспитании, дарение подарков ребенку), распространяется презумпция отцовства. Эта презумпция предоставляет такому мужчине преимущество в делах об установлении отцовства в судебном порядке – таким образом закрепляется его льготное положение по отношению ко всем остальным третьим лицам, что помогает мужчине в том числе и при добровольном установлении отцовства в случае отсутствия согласия матери. Это позволяет говорить о большой степени защищенности прав фактического супруга и отца ребенка в сравнении с таковой в Российской Федерации.

Кроме того, суды некоторых американских штатов (Техас, Юта, Казнас, Монтана и другие) нередко применяют доктрину подразумеваемых соглашений (*implied contract*) для установления между фактическими супругами договоренности об определении юридической судьбы имущества, приобретенного в период фактического брака, для определенных целей, будь то содержание общих детей или исключение такого имущества из состава наследства [Bishop v. Clark, 2002; Boland v. Catalano, 1987].

Краткий обзор законодательств некоторых развитых правовых порядков в области прав детей, рожденных в фактическом браке, позволяет выявить общие закономерности решения такой важной задачи, как обеспечение прав «внебрачных» детей. Через сопоставление сходств и различий и причин таких различий открывается путь к совершенствованию отечественного законодательства и правоприменительной практики через восприятие опыта оптимальных решений иностранного законодателя сквозь призму стоящих перед российским государством задач в области семейной и демографической политики.

Заключение

Воздерживаясь как от нравственных оценок той или иной формы фиксации долгосрочных форм отношений между мужчиной и женщиной, так и от выводов касательно эффективности государственной политики по укреплению традиционных ценностей, все же следует признать статус-кво: сожительство, которое даже в российской законодательной и правоприменительной практике до сих пор носит бытовое наименование «гражданский брак» или, в лучшем случае, «фактический брак», приобретает все большее распространение (причины этого явления, уже кратко освещенные, надлежит оставить в стороне). Как следствие, растет и общее количество детей, рожденных в период такого сожительства между их родителями. Разумно предположить, что первой целью государства, напрямую заинтересованного в защите прав и законных интересов детей (включая ликвидацию любых форм их дискриминации на основе статуса родителей), должно стать создание юридической основы для, во-первых, беспрепятственной (по возможности, автоматической) документальной фиксации происхождения таких детей, во-вторых, формирования упрощенного порядка установления отцовства для облегчения наследования детьми имущества, получения алиментов и иных социальных выплат, в-третьих, ликвидации любых законодательных и практических ограничений на пути родителей, стремящихся обеспечить общим с умершим сожителем детям достойные материальные и социальные условия жизни.

Принятие отдельного федерального закона о сожительстве на данный момент не является практически осуществимым решением, учитывая предвзятое отношение к «гражданскому браку» в общественном сознании. Любые попытки ввести в российское законодательство конструкцию «фактического брака» или «социального партнерства» имеют

мало шансов на успех и обречены стать предметом длительных и бесплодных дискуссий между немногочисленными сторонниками либерализации семейных отношений и теми, кто рассматривает наделение сожительства правовым статусом как недопустимое отклонение от курса на укрепление традиционных семейных ценностей. Например, комментируя резонансный законопроект № 539969-8 о признании фактических отношений брачными, который позволил бы судам признавать совместное проживание мужчины и женщины как юридический факт, О. Ю. Ильина отмечает, что *«практическая реализация предлагаемых нововведений способна породить еще больше проблем в сфере осуществления и защиты семейных прав граждан»* [Ильина, 2024, с. 10-22].

В качестве более сдержанного и компромиссного решения меры по реформированию действующего законодательства в области прав «внебрачных» детей могут осуществляться в двух направлениях: создание более надежных предпосылок для квалификации совместного проживания как юридического факта, имеющего значение для доказывания в делах о признании отцовства и (или) создание возможности для сожителям партнеров к заключению добровольного соглашения о частичной формализации своих отношений.

- 1) Закрепление «отцовской презумпции» в случае, если суду представлены недвусмысленные доказательства совместного проживания и ведения общего хозяйства мужчины с матерью ребенка на протяжении определенного срока после рождения ребенка (например, в течение 2 лет). Такая презумпция должна предоставлять потенциальному отцу приоритет в делах об установлении отцовства перед третьими лицами.
- 2) Введение практики заключения между фактическими супругами нотариально удостоверенного соглашения о сожительстве, основной целью которого станет автоматическое признание происхождения детей, рожденных в период действия соглашения, от таких сожителей. Предложения по введению подобного соглашения для сожителей высказывались некоторыми авторами [Выборнова, 2011, с. 105-113; Левушкин, 2014, с. 65], которые предлагали использовать его для урегулирования имущественных отношений сожителей, обеспечения алиментных выплат и определения порядка наследования. Допустимо рассмотреть возможность государственной регистрации таких соглашений в формате «реестра фактических браков».
- 3) При наличии общих несовершеннолетних детей у фактических супругов – включение сожителя в число наследников второй очереди при условии отсутствия у такого сожителя зарегистрированного брака с другим лицом, а также в число лиц, имеющих право на получение пенсии в случае потери кормильца.

Эти меры позволят сбалансировать интересы детей и их родителей с государственной политикой укрепления традиционных семейных ценностей, устранят правовую неопределенность и позволят более эффективно обеспечивать равенство прав детей, рожденных в фактическом браке.

Библиография

1. Di Giulio P., Impicciatore R., Sironi M. (2019). The changing pattern of cohabitation: A sequence analysis approach. *Demographic Research*, 40, pp. 1211–1248.
2. Raley K. R., Wildsmith E. (2004) Cohabitation and Children's Family Instability. *Journal of Marriage and Family*, 66, no. 1, pp. 210–219.
3. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М: Норма, Инфра-М. 2013. С. 431

4. Азарова Е. Правовое положение детей одиноких матерей в царской России // Социальное обеспечение. 1974. № 4. С. 28-29.
5. Бахтин Н. Призрение и воспитание. (Очаг слушательниц Киевского Фребелевского института. Сентябрь, 1914 г. — апрель, 1915 г.) // Народное образование. 1915. Т. 2: июль-декабрь. С. 112.
6. Болдырев В. А., Сварчевский К. Г. Эволюция технологий, правовых и моральных норм: последствия распространения молекулярно-генетических тестов на отцовство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1(63). С. 30–54.
7. Выборнова М. М. Оформление фактического брака путем заключения договора // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 1. С. 105-113.
8. Гуляева, Т. Б. Способы призрения детей в контексте историко-правовой системы России XVIII - XX вв. // История государства и права. 2018. № 11. С. 15-19.
9. Комиссарова Е. Г. Презумпции в нормах об установлении отцовского происхождения ребенка // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 21–30.
10. Кочеткова, Т. Н. Анализ проблем незарегистрированных браков // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/23PSMN222.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).
11. Левушкин А. Н. Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // Современное право. 2014. № 3. С. 65-67.
12. Логина О. Ю. Судебный порядок установления отцовства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2009. № 2.
13. Ошанин М. А. О призрении покинутых детей. Ярославль, 1912.
14. Волан С., Пизон Ж., Эран Ф. Рождаемость во Франции – самая высокая в Европе. Причина в иммигрантах? // Демографическое обозрение. 2020. №1. С. 118-126.
15. Иванова Н. А., Гао Чэнь. История установления отцовства в отношении внебрачных детей в России // XVIII Державинские чтения. Институт права: материалы Общероссийской научной конференции. 1913. Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2013. С. 203.
16. Ильина О. Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex Russica. 2024. № 12 (217). С. 10-22.
17. Щербинин П. П. Плод страсти роковой. Солдатки и их незаконнорожденные дети в XIX начале XX в. // Родина. 2003. № 8. С. 47-51.
18. Code civil. Du pacte civil de solidarité (Articles 515-1 à 515-7-1) [Электронный ресурс]: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F1618> (дата обращения: 05.04.2025).
19. Family Law Act 1975. Subdivision D--Interpretation--how this Act applies to certain children [Электронный ресурс]: https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/legis/cth/consol_act/fla1975114/s60ha.html (Дата обращения: 01.07.2025).
20. Policy: "Act (2003:376) regarding cohabitation" (Information provided by Cecilia Larsson & Maria Stanfors). [Электронный ресурс]: <https://splash-db.eu> (Дата обращения: 01.06.2025).
21. Supreme Court of Alaska (2002) *Bishop v. Clark*, 54 P.3d 804, 810-11. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/ak-supreme-court/1291256.html> (Дата обращения: 15.05.2025).
22. Uniform Parentage Act, section 202. [Электронный ресурс]: <http://www.uniformlaws.org> (Дата обращения: 11.06.2025).
23. Агентство правовой информации. Судебная статистика в категории «Гражданское судопроизводство» по отдельным категориям дел (2024): <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 13.03.2025).
24. Апелляционное определение Московского областного суда от 23.11.2020 № 33-30390/2020 // СПС «Консультант Плюс».
25. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // «Российская газета», 20.11.2002, № 220.
26. Ежегодный статистический бюллетень Росстата «Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации» (2024): https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2024.html (дата обращения: 21.02.2025).
27. Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации"». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 01.05.2025).
28. Кодекс законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1918. С. 1964.
29. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года (утв. постановлением ВЦИК РСФСР от 19.11.1926) // Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, Москва, 1947.
30. Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1969, № 32, ст. 1086.
31. Конвенция ООН о правах ребенка [Электронный ресурс]:

- https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 20.04.2025).
32. Национальный институт статистики и экономических исследований Франции [Электронный ресурс]: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2381498> (дата обращения: 10.04.2025).
33. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2024 № 88-29884/2024 // СПС «Гарант».
34. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.07.2023 по делу № 88-12289/2023 // СПС «Консультант Плюс».
35. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1377-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Габараевой Марины Элгуджаевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 2 пункта 2 статьи 9 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации"» // СПС «Кодекс».
36. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 457-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахметова Эмея Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 10 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
37. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 01.10.1968 (в редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 09.10.1979 № 885-X) // Советская юстиция, № 15, 1968, ст. 2.
38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 года № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1996, № 10.
39. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.09.2014, № 35, ст. 4811.
40. Решение Верховского районного суда Орловской области от 26.10.2021 по делу № 2-220/2021 // СПС «Гарант».
41. Решение Георгиевского городского суда Ставропольского края от 03.04.2023 № 2-700/2023~М-364/2023 // СПС «Консультант Плюс».
42. Решение Устиновского районного суда города Ижевска от 05.03.2025 № 2-1257/2025 // СПС «Гарант».
43. Решение Зюзинского районного суда города Москвы от 03.06.2024 по делу № 2-401/2024 // СПС «Гарант».
44. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.01.1996, № 1, ст. 16.
45. Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"» // Свод Законов СССР, 1990, т. 3.
46. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // «Российская газета», 31.12.2013, № 296.
47. Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ // «Российская газета», 28.11.2001 № 233.

Rights of Children Born in Informal Cohabitation Relationships

Artem D. Ermakov

Master of Private Law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ermakov.ms@outlook.com

Abstract

This article examines the legal status of children born in unregistered marital relationships (cohabitation) and the challenges in protecting such children's rights under Russian family law. The study explores sociocultural and legal aspects of the increasing prevalence of de facto marriages, including statistical data on the growing number of children born outside official marriages and difficulties in establishing paternity. Particular attention is given to gaps in law enforcement and the lack of uniform approaches in judicial practice. The article provides a historical overview of the evolution of the legal status of non-marital children in Russia and analyzes foreign regulatory

approaches (France, Sweden, Australia, the United States). Based on comparative analysis, the author proposes legislative improvements, including introducing a presumption of paternity for de facto spouses and notarized cohabitation agreements, aimed at safeguarding children's rights and eliminating discrimination based on parental status.

For citation

Ermakov A.D. (2025) Prava detey, rozhdennykh vo vnebrachnom sozhitelstve [Rights of Children Born in Informal Cohabitation Relationships]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (4A), pp. 223-238.

Keywords

Children's rights, cohabitation, paternity establishment, family law, child support, common-law marriage, presumption of paternity, DNA testing.

References

1. Antokolskaya M.V. (2013) *Semejnoe pravo: uchebnik* [Family law: textbook]. 3rd ed. Moscow: Norma Publ.
2. Azarova E. (1974) Pravovoe polozhenie detej odinokih materej v carskoj Rossii [The legal status of children of single mothers in Tsarist Russia]. *Social'noe obespechenie – Social security*, 4. pp. 28-29.
3. Bakhtin N. (1915) Prizrenie i vospitanie [Vision and education]. *Narodnoe obrazovanie – Public education*, Vol. 2, p. 112.
4. Boldyrev V.A., Svarchevsky K.G. (2024) Evolyuciya tekhnologij, pravovyh i moral'nyh norm: posledstviya rasprostraneniya molekulyarno-geneticheskikh testov na otcovstvo [Evolution of technologies, legal and moral norms: consequences of the spread of molecular genetic paternity tests]. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, Issue 1(63), pp. 30-54.
5. Di Giulio P., Impicciatore R., Sironi M. (2019). The changing pattern of cohabitation: A sequence analysis approach. *Demographic Research*, 40, pp. 1211–1248.
6. Gulyaeva T.B. (2011) Sposoby prizreniya detej v kontekste istoriko-pravovoj sistemy Rossii XVIII - XX vv. [Ways of raising children in the context of the historical and legal system of Russia of the XVIII - XX centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of the state and law*, No. 11, pp. 15-19.
7. Ivanova N.A., Gao Chen. (1913) Istoriya ustanovleniya otcovstva v otnoshenii vnebrachnykh detej v Rossii [The history of establishing paternity in relation to illegitimate children in Russia]. *XVIII Derzhavin readings. Institute of Law: proceedings of the All-Russian Scientific Conference*, Tambov: Publishing House named after G.R. Derzhavin, p. 203.
8. Ilyina O.Y. (2024) Tendencii izmeneniya Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i praktiki ego primeneniya [Trends in the Family Code of the Russian Federation and the practice of its application]. *Lex Russica*, No. 12 (217), pp. 10-22.
9. Kochetkova T.N. Analysis of the problem of unregistered marriages. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 10(2): 23PSMN222. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/23PSMN222.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.). (Accessed: 01/03/2025).
10. Komissarova E.G. (2025) Prezumpcii v normah ob ustanovlenii otcovskogo proiskhozhdeniya rebenka [Presumptions in the norms on establishing the paternal origin of a child]. *Lex russica*, Vol. 78, No. 3, pp. 21-30.
11. Levushkin A.N. (2014) Fakticheskie brachnye pravootnosheniya: ob'ektivnaya real'nost' i neobходimost' pravovogo regulirovaniya [Actual marital relations: objective reality and the need for legal regulation]. *Sovremennoe pravo – Modern law*, No. 3, pp. 65-67.
12. Loginova O.Y. (2009) Sudebnyj poryadok ustanovleniya otcovstva [Judicial procedure for establishing paternity]. *Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law"*, No 2.
13. Oshanin M.A. (1912) O prizrenii pokinutykh detej [On the care of abandoned children]. Yaroslavl.
14. Raley K.R., Wildsmith E. (2004) Cohabitation and Children's Family Instability. *Journal of Marriage and Family*, 66, no. 1, pp. 210–219.
15. Shcherbinin P.P. (2003) Plod strasti rokovej. Soldatki i ih nezakonno-rozhdennye deti v XIX nachale XX v. [The fruit of fatal passion. Female soldiers and their illegitimate children in the 19th and early 20th centuries]. *Rodina Publ.*, No. 8, pp. 47-51.
16. Volan S., Pison J., Eran F. (2020) Rozhdaemost' vo Francii – samaya vysokaya v Evrope. Prichina v immigrantah? [The birth rate in France is the highest in Europe. Is the reason for the immigrants?] *Demograficheskoe obozrenie – Demographic review*, No. 1, pp. 118-126.

17. Vybornova M.M. (2018) Oformlenie fakticheskogo braka putem zaklyucheniya dogovora [Registration of an actual marriage by concluding a contract]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, No. 1, pp. 105-113.
18. Act (2003:376) regarding cohabitation (Information provided by Cecilia Larsson & Maria Stanfors). Available at: <https://splash-db.eu> (Accessed: 01/06/2025).
19. Civil Code of the Russian Federation. Part Three 2001 No. 146-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*, 2001, No. 233.
20. Civil Procedure Code of the Russian Federation 2002. *Rossiyskaya Gazeta Publ.*, No. 220.
21. Code civil. Du pacte civil de solidarité (Articles 515-1 à 515-7-1). Available at: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F1618> (Accessed: 05/04/2025).
22. Code of Laws on Acts of civil status, Marriage, Family and Guardianship law 1918. Decrees of Soviet power, Vol. 3, Moscow, p. 1964.
23. Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of the RSFSR 1926. Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, Moscow, 1947.
24. Constitutional Court of the Russian Federation (2013) *Judicial ruling No. 1377-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Gabaraeva Marina Elgudzhaevna for violation of her constitutional rights by subparagraph 2 of paragraph 2 of Article 9 of the Federal Law "On Labor Pensions in the Russian Federation"*. Available at: Legal reference system "Codex".
25. Constitutional Court of the Russian Federation (2012) *Judicial ruling No. 457-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Akhmetov Emel Borisovich for violation of his constitutional rights by Article 10 of the Family Code of the Russian Federation"*. Available at: Legal reference system "Consultant Plus".
26. Decree of the Government of the Russian Federation 2014 No. 1618-r "On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the period up to 2025". Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 35, p. 4811.
27. Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR 1944 "On increasing state assistance to pregnant women, large and single mothers, strengthening the protection of motherhood and childhood, establishing the honorary title of "Mother Heroine" and the establishment of the Order of Maternal Glory and the Medal of Motherhood". Code of Laws of the USSR, 1990, vol. 3.
28. Draft Law No. 539969-8 "On Amendments to the Federal Law on the Enactment of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation". Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (Accessed: 01/05/2025).
29. Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction (2023) *Judicial ruling No. 88-12289/2023*. Available at: Legal reference system "Consultant Plus".
30. Family Code of the Russian Federation 1995. Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 1, p. 16.
31. Family Law Act 1975. Subdivision D--Interpretation--how this Act applies to certain children. Available at: https://www.austlii.edu.au/cgibin/viewdoc/au/legis/cth/consol_act/fla1975114/s60ha.html (Accessed: 01/07/2025).
32. Federal State Statistics Service (2024) *Natural population movement in the context of the subjects of the Russian Federation*. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2024.html (Accessed: 21/02/2025).
33. Federal Law No. 2013 "On Insurance Pensions". *Rossiyskaya Gazeta*, 2013, No. 296.
34. Framework of legislation of the USSR and the Union Republics on marriage and family 1968. *Soviet Justice*, No. 15, 2.
35. Georgievsky City Court of the Stavropol Krai (2023) *Judicial ruling No. 2-700/2023~M-364/2023*. Available at: Legal reference system "Consultant Plus".
36. Legal Information Agency (2024) *Judicial statistics in the category "Civil proceedings" for certain categories of cases*. Available at: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/0> (Accessed: 13/3/2025).
37. Marriage and Family Code 1969. Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1969, No. 32, p. 1086.
38. Moscow Regional Court (2020) *Appeal ruling No. 33-30390/2020*. Available at: Legal reference system "Consultant Plus".
39. National Institute of Statistics and Economic Research of France (2024) *Marriages and civil partnerships. Annual data from 1990 to 2024*. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2381498> (Accessed: 10/04/2025).
40. Second Cassation Court of General Jurisdiction (2024) *Judicial ruling No. 88-29884/2024*. Available at: Legal reference system "Garant".
41. Supreme Court of the Russian Federation (1996) *Resolution of the Plenum No. 9 "On the application by the Courts of the Family Code of the Russian Federation in Cases of establishing paternity and collecting alimony"*. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 1996, No. 10.
42. Supreme Court of Alaska (2002) *Bishop v. Clark*, 54 P.3d 804, 810-11. Available at: <https://caselaw.findlaw.com/court/ak-supreme-court/1291256.html> (Accessed: 15/05/2025).
43. UN Convention on the Rights of the Child 1989. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (Accessed: 20/04/2025).
44. Uniform Parentage Act, (section 202). Available at: <http://www.uniformlaws.org> (Accessed: 11/06/2025).
45. Ustinovsky District Court of Izhevsk (2025) *Judicial ruling No. 2-1257/2025*. Available at: Legal reference system "Garant".

46. Verkhovsky District Court of the Orel region (2021) *Judicial ruling No. 2-220/2021*. Available at: Legal reference system "Garant".
47. Zyuzinsky District Court of Moscow (2024) *Judicial ruling No. 2-401/2024*. Available at: Legal reference system "Garant".